

KAJA BORKOWSKA

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
kaja_vl@wp.pl

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОБСЦЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ
ЦИКЛА *МОСКВА КАБАЦКАЯ* СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА
НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК****OBSCENE IMAGES IN THE CYCLE *MOSCOW
TAVERNS* AND THE PROBLEMS CONNECTED
WITH TRANSLATING THEM INTO POLISH**

Данная статья трактует о роли obscene лексик в цикле стихотворений Сергея Есенина *Москва кабацкая*. В ней также раскрываются особенности перевода такого рода лексик на польский язык. Материалом анализа стала лирика Есенина, в которой встречаются многочисленные примеры инвективных слов. Приведенный в статье широкий спектр переводческих решений позволил выявить некоторые универсальные приемы перевода obscene лексик. В статье приводятся трансляторские варианты трех польских переводчиков, работы которых относятся к разным периодам. По этому поводу можно проанализировать меняющиеся концепции перевода obscene лексик в цикле *Москва кабацкая* в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: obscene лексика, инвективная лексика, Серебряный век, Сергей Есенин, *Москва кабацкая*, техники перевода.

The article reviews the role of obscene vocabulary in Sergei Yesenin's cycle *Moscow Taverns*, as well as the problems connected with rendering them into Polish. The material of the analysis, Yesenin's poetry, is famous for a high frequency of terms of abuse. The results of the examination make it possible to pinpoint certain regularities in translation transformations. The potential translation variants are shown on basis of three Polish translators' works, pertaining to different periods. Due to this, it is possible to observe the evolving attitudes to translating obscene images in Yesenin's poetry in a diachronic perspective.

Keywords: obscene vocabulary, swear words, Silver Age, Sergei Yesenin, *Moscow Taverns*, translation techniques.

В литературном творчестве многочисленных литераторов наблюдаются отличительные свойства и индивидуальные стилистические детали, благодаря которым читатели способны узнать конкретного автора. Некоторые элементы данного текста сразу наводят на мысль фамилию конкретного писателя. К этой группе принадлежит и Сергей Есенин. Как на сцене, читая свои стихи, так и в повседневной жизни, поэт представлял сильной личностью, человеком обладающим чрезвычайной силой выражения. Эта экспрессивность особенно заметно проявлялась в общении с публикой. Многие современники поэта отмечали будто магнетическое воздействие Есенина на слушателей. Образно описывает это друг Есенина, Валентин Вольпин:

[...] большой комнаты не хватало для его голоса. Я не знаю, сколько длилось чтение, но знаю, что, сколько бы оно ни продолжалось, мы, все присутствовавшие, не заметили бы времени. Вещь производила огромное впечатление¹.

Для достижения такой образности Есенину понадобились определенные средства выражения. Столь сильное впечатление поэт производил на публику, в частности, благодаря резким поворотам повествования, использованию лексики, принадлежащей к крайне противоположным стилям. Чувствительный, душевный тон высказываний прекращался в пользу охального, возмутительного слова. Матерные выражения были для поэта некоего рода катализатором противоречивых чувств и эмоций, свойственных его характеру. Пылкая натура, дух перемен, поиск новых решений – все это сказывалось на лексиконе поэта.

Есенин осознавал, что язык есть живое явление. Пересечение высокого стиля со сниженным, поэтической лексики с «площадной» он считал шансом на дальнейшее развитие слова, а в последствии и поэзии. О увлечении матерщиной он, кстати, говорил в открытую:

Мне очень нравятся слова корявые. Я ставлю их в строй как новобранцев. Сегодня они неуклюжи, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия².

Помещение в лирику элементов языка, которые по общепринятым правилам не имеют права в ней появиться, стало вопросом не только нравственного характера, но и лингвистического. Поэт, волей-неволей, поставил перед иностранными переводчиками затруднительную задачу воспроизвести текст оригинала, сохраняя весь семантический спектр бранных выражений, и заодно отвечать требованиям цензоров. Многоаспектность перевода такого вида поэтического языка наблюдается в переложениях на польский язык.

¹ В. И. Вольпин, *О Сергее Есенине*, [в:] С. А. Есенин в воспоминаниях современников, вступительная статья, сост. и коммент. А. А. Козловский, Москва: «Художественная литература» 1986, т. 1, с.106.

² С. А. Есенин, *Собрание сочинений в 6-ти томах*, под ред. В. Г. Базанова, Москва: «Художественная литература» 1979, т. 5, с. 204.

В сознании польских читателей Есенин впервые появляется в начале 1920-х годов и сразу завоевывает их уважение. Несмотря на возрастающее напряжение польско-русских отношений в это время, поляки интуитивно верят в искренность слов поэта и встречают с энтузиазмом очередные лирические достижения Есенина³. Неожиданная смерть молодого поэта в 1925 году поспособствовала повторному обращению читателей и исследователей к его творчеству, благодаря чему, круг его читателей за рубежом еще расширился. В это время появляются и первые польские переводы стихов Есенина.

Наличие вульгарных выражений в стихах поэта отмечается не на каждом этапе его творчества. Появление такого рода лексики мы наблюдаем прежде всего во время деятельности Есенина в группе имажинистов, а также сразу после разрыва с ней в 1922 году. Лучшим примером является цикл стихов под названием *Москва кабацкая*. Этот цикл был задуман поэтом в Париже, однако, впервые был издан в Берлине в 1923 году. В берлинское издание были включены четыре стихотворения: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...»⁴.

Отметим, что за рубежом *Москва кабацкая* пользовалась огромной популярностью, позже стала также объектом заинтересованности многих польских переводчиков. Этот цикл переводили в частности Северин Полляк⁵, Адам Поморский⁶ и Анджей Левандовский⁷, труды которых рассматриваются в настоящей статье.

Исследуемые нами переводы относятся к разным годам, благодаря чему они могут рассматриваться в диахронном аспекте, с учетом меняющихся эстетических норм литературного языка. Перевод Полляка был составлен в конце сороковых годов XX века, Поморский выполнил свой вариант в середине восьмидесятых годов прошедшего столетия, между тем, перевод Левандовского появился в печати всего лишь одиннадцать лет назад.

Перевод обценных выражений и инвектив нуждается в особом подходе, поскольку переводимый компонент, рассматриваемый как переводческая единица, не является образом, а лишь отдельной лексемой или выражением. Поэтому успешность перевода такого рода лексики, главным образом, состоит в обоснованно подобранных эквивалентах.

³ З. Збыровский, *Русская советская поэзия в Польше (1918–1939)*, «Русская литература» 1975, № 3, с. 187–199.

⁴ С. Есенин, *Стихи скандалиста*, Берлин: Изд-во И. Т. Благова 1923, с. 53–57.

⁵ S. Jesienin, *Poezje*, перевод с рус. S. Pollak, Warszawa: PIW 1960.

⁶ S. Jesienin, *Inonia i inne wiersze*, перевод с рус. A. Pomorski, Warszawa: Młodzieżowa Agencja Wydawnicza 1984.

⁷ S. Jesienin, *Wiersze*, перевод с рус. A. Lewandowski, Toruń: Aksjomat 2006.

Тем не менее, несмотря на то, что «центром тяжести» перевода является лексема, она по-прежнему является составляющей частью художественного образа.

Нельзя упустить из виду и другой важный момент: сильные экспрессивно-эмоциональные свойства бранной лексики, в том числе оценительно-оскорбительный и возмущающий потенциал, нуждаются в сохранении в переложении. Воспроизведение этих признаков нецензурной лексики является, с нашей точки зрения, доминантой перевода *Москвы кабацкой*.

В связи с этим, выдвигается положение о потребности применения адекватного перевода обценных и инвективных элементов текста. Подбирая эквиваленты к конкретным единицам исходного языка, необходимо предусматривать конечный смысловой эффект и связность текста, а также

стилистическую окрашенность, степень экспрессивности в конкретном контексте и то, как лексическая единица воспринимается и носителями языка-оригинала, и языка-перевода⁸.

Итак, рассмотрим польским переводам Есенинского цикла.

Главным фактором, который помешал переводчикам достигнуть высокой степени лексико-семантической адекватности, является необоснованная гиперболизация, а точнее тенденция сводить слова в более низкие регистры. Это особенно заметно у Поморского и Левандовского. Например, в стихотворении «Сыпь, гармоника, скука...», где Есенин помещает инвективу «выдра»,

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя частая!
Пей, выдра! Пей!⁹

Поморский заменяет это бранное обращение значительно более обидным эквивалентом «dzdżira»:

Rzñij harmonio!	Rzñij harmonio,	Rzñij harmonio,
Rzñij klawiszasta!	Rzñij klawiszasta.	rzñij od ucha!
Pij, wydro, chlupże!	Pij, zdziro, pij!	Pij, wydro, masz!
(<i>Moskwa karczemna</i> , пер. Seweryn Pollak)	(<i>Moskwa pijacka</i> , пер. Adam Pomorski)	(<i>Moskwa karczemna</i> , пер. Andrzej Lewandowski)

⁸ Т. В. Гусева, Е. Ю. Ожегова, *Особенности перевода инвективной лексики (на примере стихотворений С. Есенина)*, [в:] *Язык как основа современного межкультурного взаимодействия*, Материалы II Международной научно-практической конференции, под ред. Д. Н. Жаткина, И. В. Куликова, Пенза: Пензенский государственный технический университет 2016, с. 35.

⁹ С. А. Есенин, *Собрание сочинений в 6-ти томах*, под ред. В. Базанова, Москва: Художественная литература 1979. Все отрывки стихотворений цикла *Москва кабацкая* приводятся по данному изданию.

Совершенно необоснованным мы считаем также употребление этим же переводчиком слова «kurwiśko» вместо русской инвективы «стерво»:

Ale z taką, jak ty jesteś,
ścierwo,
to pierwszy raz.
(S. Pollak)

Ale z taką, jak ty,
z kurwiśkiem,
to pierwszy raz.
(A. Pomorski)

Ale z taką, jak ty padlina,
to pierwszy raz.
(A. Lewandowski)

Сравним с оригиналом:

С такую, как ты, стервою
Лишь в первый раз!

Польское слово, подобранное Поморским, отличается чрезвычайно высокой степенью оскорбительности и бесспорно считается матерщиной, в то время как «стерво» является эпитетом гораздо более мягким. Левандовский предлагает в этом месте вариант «padlina», что нам кажется неадекватным эквивалентом. Само слово «padlina» на польском языке не надделено оскорбительным потенциалом, и, хотя оно коннотируется пейоративно, то ассоциации относятся к другому виду «негативов», таких как: смерть, растрение, ничтожество. Оно вписывается скорее в ряд, так называемой, натуралистической лексики – то есть слов, с помощью которых в поэзии раскрываются образы жестокой действительности, беспощадные в своей истине. Именно по этому поводу, замена слова, которое по идее должно было выражать презрение, словом с натуралистическими свойствами, с точки зрения функциональности – дискуссионное решение.

Лишним огрублением мы считаем также замену нейтрального слова «проститутка»:

Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

пренебрежительным эквивалентом «dziwka» в переложении стихотворения «Да! Теперь решено. Без возврата...», выполненным Левандовским:

Deklamuję wiersze
 prostytutkom,
Z bandziorami chleję
spirytus.
(S. Pollak)

Prostytutkom recytuję
wierszyki,
Z bandytami chleję spirytus.
(A. Pomorski)

Bo chcę dziwkom me
wiersze czytywać,
Z bandziorami spirytus chcę
chlać.
(A. Lewandowski)

Однако, грубость высказывания, которой отличается прежде всего перевод Поморского, иногда помогает достигнуть отображения совокупности смыслов, лучшим примером чего является предложенный переводчиком эквивалент «niebieskie bryzgi», который в высокой степени соответствует оригиналу:

Что ж ты смотришь синими брызгами,
Или в морду хошь!?

Мы полагаем, что предлагаемые Поляком и Левандовским «siwe ślepia» ослабляют демоническое начало, присущее подлиннику:

Co tak patrzysz siwymi
ślepiami?
Chcesz w pysk, nie dość ci?
(S. Pollak)

Co się gapisz niebieskimi
bryzgami?
W mordę chcesz?
(A. Pomorski)

Czego ślepia wytrzeszczasz
siwe?
Czy w mordę chcesz?
(A. Lewandowski)

Аналогичная ситуация наблюдается в переводе следующих строк в этом же стихотворении:

Ja bym lepiej tamtą
– piersiastą,
bo głupsza.
(S. Pollak)

Ja bym lepiej tamtą, o,
cycastą – głupia jak kij.
(A. Pomorski)

Lepsza mi ta piersiasta
dziewucha,
ma głupszą twarz!
(A. Lewandowski)

Сравним с оригиналом:

Мне бы лучше вон ту, сияющую, –
Она глупей.

Выбирая точный семантический эквивалент – «cycasta», являющийся просторечием, Поморский сохранил как естественность поэтического образа, так и синтаксическую структуру, чему поспособствовало употребление междометия «о», которое в данном тексте, с точки зрения семантического и стилистического планов, адекватно заменяет русскую частицу «вон». Если говорить об экспрессивности, эквивалент «piersiasta», какой был избран двумя остальными переводчиками, является слишком слабым.

Другим, интересным с нашей точки зрения словосочетанием является «свора собачья» («Сыпь, гармоника, скука...»). Переводчики сходятся во мнениях по вопросу метода переложения данного словосочетания:

К вашей своре собачьей
Пора б простыть!..

И Полляк, и Левандовский предлагают словарное соответствие оригинального выражения, а именно «*sfoga sobacza*». Поморский заменяет слово «*sfoga*» «*zgrają*», что является одним из вариантных эквивалентов перевода русского слова «свора», и соответствует смыслу подлинного слова:

Z waszą sforą sobaczą raz
zerwać trzeba...
(S. Pollak)

Waszą zgrają sobaczą
pogonić trzeba.
(A. Pomorski)

Trzeba mi ze sfory sobaczej
wyrwać się tej!
(A. Lewandowski)

Совпадают также варианты переводов Полляка и Поморского, что касается первых строк стихотворения, где появляется пренебрежительная инвектива «паршивая сука»:

Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной!

В свою очередь Левандовский применил, по нашему мнению, эпитет несколько слабее подлинного («*suko paskudna*»):

Pijże ze mną,
suko parszywa,
Pijże ze mną.
(S. Pollak)

Ze mną pij,
ty suko parszywa,
No, pij ze mną!
(A. Pomorski)

Chlej-że ze mną,
suko paskudna,
Chlej ze mną, chlejl!
(A. Lewandowski)

Эти расхождения не столь велики, однако, следует обратить внимание на фонетический потенциал слова «паршивая», образующийся с помощью буквы согласного «р», которая составляет центр тяжести слова. Если взять во внимание присутствие других слов с таким признаком, как, например, «невтерпёж», «брызги», «стерво», грубость произведения передается и на фонетическом уровне. Поэтому решение Поморского и Полляка сохранить эпитет «паршивая» кажется удачным.

Однако и перевод Левандовского не лишен достоинств, примером чего является интересная замена на грамматическом уровне в переложении стихотворения «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» (согласно классификации Дарбельне и Вине – транспозиция¹⁰). Благодаря замене инвективы «дрянь», появляющейся в тексте оригинала,

Пусть целует она другого
Молодая, красивая дрянь.

¹⁰ Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, *Технические способы перевода*, [в:] *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*, под ред. В. Н. Комиссарова, Москва: Международные отношения 1978, с. 157–167.

эпитетом «podła» Левандовский достиг большей образности и наглядности высказывания:

Niech innego całuje i ściska Zblazowana piękna łajdaczka. (S. Pollak)	A ta niech się całuje z drugim, Ścierwo takie, piękne i młode. (A. Pomorski)	Niech tam sobie innego całuje Piękna, młoda a podła już! (A. Lewandowski)
--	--	--

Отметим, что избранный Полляком эквивалент «zblazowana», вместо слова «молодая», кажется нам неравноценным подлиннику. Предлагаемый такой вариант, переводчик отошел далеко от оригинала в семантическом плане. Стоит отметить, что описываемая Есениным женщина красивая и молодая, и, что поэт делает упор на противоречивость ее личности: красота и подлость. Именно поэтому мы считаем, что сохранение эпитета «молодая» способствует правильной передаче смысла образа.

Стоит также обратить внимание на строфу, которая является кульминационным моментом стихотворения «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» Она ставит перед переводчиками задачу переложить текст на уровне художественного образа. Данная картина построена при помощи крайне натуралистических средств выражения. Для правильной передачи всех ее смыслов необходимо рассматривать данное высказывание как единицу текста, в которой лексический пласт интегрирован с семантическим контекстом и сложен с ним стилистически:

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Перевод этого сложного эмоционального образа нуждается в определении доминанты, которой, по нашему мнению, необходимо следовать на всех этапах переводческого процесса. Иными словами, сохранение основного смыслового пласта вышеприведенного отрывка стиха является приоритетным по отношению к другим аспектам перевода (таким, как, например, воссоздание ритмической структуры). В данном случае доминантную функцию выполняет натуралистическая лексика, связанная с физиологией мира людей и животных. Обратим внимание, что построение этого образа с помощью животных является метафорой, а его восприятие и растолкование совершается уже с мыслью о сфере жизни человека. Варианты польских переводчиков строятся согласно вышеупомянутой стратегии, в связи с чем все три версии близки к оригиналу и не очень сильно отличаются друг от друга:

Tak! Jest gorzka prawda tej ziemi, Podpatrzyłem ją chłopięcym okiem: Liżą wszystkie psy po kolei Sukę ociekającą sokiem. (S. Pollak)	Tak! Jest gorzka tej ziemi prawda, Podpatrzyłem chłopięcym okiem: Po kolei psy z dawien dawna Liżą sukę cieknącą sokiem. (A. Pomorski)	Gorzka prawda tej ziemi jest, Podpatrzyłem ją chłopięcym okiem: Liże kolejno każdy pies Sukę ociekającą sokiem. (A. Lewandowski)
--	--	---

Мы хотели бы обратить внимание на решение Левандовского не воспроизводить в тексте перевода инициального междометия «Да!». Оно обладает сильной эмоциональной нагрузкой, и, заодно, предвещает появление ключевых строк стихотворения. Поэтому сохранение данной частицы в вариантах Поляка и Поморского мы считаем обоснованным выбором. Несмотря на это, реципиент всех трех версий польского текста имеет возможность ощутить совокупность смыслов стихотворения максимально схожую со смысловой сферой, свойственной подлиннику.

Перевод последних строк стихотворения «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» представляет собой некоторую сложность. На первый взгляд, завершающее восклицание, это ругательство, одно из самых часто применяемых в русском языке матерных выражений:

Только знаешь, пошли их на хер!
Не умру я, мой друг, никогда.

Тем не менее, опытный переводчик должен заметить, что Есенин использует в своем произведении смягченный вариант нецензурного оборота. По этому поводу, в данном случае, лучшим эквивалентом кажется эвфемизм, намекающий на первичную интенцию говорящего, но не выходящий за рамки приличия. С этой задачей справились как Поляк, так и Левандовский, варианты которых с точки зрения функциональности отвечают оригиналу:

Ale wiesz co... Pies z nimi tańcował... Ja nie umrę nigdy, mój bracie. (S. Pollak)	Tylko wiesz, co ci powiem? Chuj z nimi. Ja tam nigdy, bracie, nie zginę. (A. Pomorski)	Ale wiesz co? Czort z nimi brachu! Ja nie umrę nigdy, o nie! (A. Lewandowski)
--	--	--

Между тем, переложение Поморского представляет собой необоснованную грубость, в нем нет начала недосказанности, которое наблюдаем как в оригинальном произведении, так и в вариантах двух остальных переводчиков. К тому же, слово, использованное Поморским, числится в ряд самых оскорбительных польских вульгаризмов, что добавочно усиливает неадекватность его употребления.

На основании вышеуказанных отрывков стихотворений можно констатировать, что самую большую сложность перевода нецензурных выражений представляет соответственная передача степени обценности конкретного вульгаризма. Переводчики зачастую прибегают либо к более огрубленным вариантам – гиперболам, либо к смягченным – эвфемизмам. Несмотря на то, что эквиваленты, подобранные переводчиками, зачастую совпадают с оригиналом в семантическом плане, то есть вызывают сходные коннотации на исходном и переводимом языках, уровень непристойности значительно варьируется.

Чаще всего к огрублению прибегает Поморский. В итоге, его вариант перевода становится местами вульгарным, однако, другим образом, чем подлинный текст. Противоположные чувства, которые у Есенина выражаются с помощью инвективных обращений, у Поморского воспроизводятся с помощью просторечной, грубой лексики.

Однако существует и другая сторона этого вопроса: решаясь на «крепкое» выражение, Поморский иногда достигает более естественной образности, чем другие переводчики. Контраст особенно заметен, если сравнить варианты Поморского и Поляка. Склонность второго из них «сглаживать» корявые выражения привела к потере оттенка охальности. Переложения Поляка, хотя в общем удачные, лишены «хулиганского начала». Однако необходимо учитывать времена, в которые переводил Поляк и связанные с ними ограничения в виде цензуры. Возможно переводчик обращался бы к словам из низших реестров, если его тексты не подвергались бы столь аккуратному надзору. Отметим, что остальным двум переводчикам не приходилось сталкиваться с такими осложнениями.

Завершая настоящие рассуждения, следует также отметить, что бранная лексика довольно часто нуждается в переводе на уровне художественного образа. В таком случае полезным оказывается избрание переводческой доминанты, обобщающей все те элементы исходного текста, которые образуют семантическое ядро произведения и которые следует передать в целевом тексте.

Вышесказанное позволяет констатировать, что метафора «взвешивать слова» должна восприниматься переводчиками несколько другим образом, так как, прежде чем подобрать эквивалент к бранному слову, следует рассмотреть его с разных точек зрения и задаться вопросом об основной функции слова и о передаче в переводе целостного идейного содержания первоисточника.

Особое внимание следует уделить отображению степени вульгарности исходного и целевого слова, поскольку эквивалент со слишком низким или слишком высоким показателем оскорбительности может значительно исказить образ оригинала.

References

- Guseva, Tatyana V., Ozhegova, Yekaterina Yu. *Osobennosti perevoda invektivnoy leksiki (na primere stikhotvorenij S. Yesenina)*. In: *Yazyk kak osnova sovremennogo mezhkulturnogo vzaimodeystviya*. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, ed. Dmitriy N. Zhatkin, Irina V. Kulikova. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 2016: 33–39.
- Jesienin, Sergiusz. *Inonia i inne wiersze*, transl. by A. Pomorski. Warszawa: Młodzieżowa Agencja Wydawnicza, 1984.
- Jesienin, Sergiusz. *Poezje*, transl. by S. Pollak. Warszawa: PIW, 1960.
- Jesienin, Sergiusz. *Wiersze*, transl. by A. Lewandowski. Toruń: Aksjomat, 2006.
- Vinay, Jean-Paul, Darbelnet, Jean. *Tekhnicheskie sposoby perevoda*, In: *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike*, ed. Vilen. N. Komissarov. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978: 157–167.
- Volpin, Valentin I. *O Sergeye Yeseninie*. In: *S. A. Yesenin v vospominaniyakh sovremennikov*, vstupit. statya, sostavlenie i kommentarii Anton A. Kozlovskiy. Vol. 1. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1986: 422–428.
- Yesenin, Sergey A. *Sobranie sochineniy v 6-i tomakh*, ed. Vasiliy I. Bazanov. Vol. 5. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1979.
- Yesenin, Sergey A. *Stikhi skandalista*. Berlin: iz-stvo I. T. Blagova, 1923.
- Zbyrowski, Zygmunt. „Russkaya sovetskaya poeziya v Polshe (1918–1939)”, *Russkaya literatura*, № 3 (1975): 187–199.